

ЗЫБЧАНА

СТРАНИЦА ДЛЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ №7
КЛУБА КУЛЬТУРНЫХ ИНИЦИАТИВ "ЗЫБЧАНА"

18 АПРЕЛЯ - МЕЖДУНАРОДНЫЙ ДЕНЬ ПАМЯТНИКОВ И ИСТОРИЧЕСКИХ МЕСТ

НОВОЗЫБКОВ, КОТОРЫЙ МЫ ПОТЕРЯЛИ

Два чувства дивно близки нам. В них обретает сердце пищу: Любовь к родному пепелищу, Любовь к отеческим гробам. А.Пушкин

Желание сохранить свое историческое достояние - первый и основной признак человеческой культуры. Пронесенная через года "любовь к родному пепелищу" заставляет с замранением сердца вновь и вновь вглядываться в строгую кирпичную кладку старых купеческих особняков в центре Новозыбкова, восхищаться узорочьем деревянной вязи карнизов и окон жилых домов на тихих его окраинах, сожалеть об унесенных временем и людским невежеством памятниках прошлого, украшавших наш город еще совсем недавно. Не только храмы или архитектурные достопримечательности дают возможность воочию прикоснуться к своему прошлому. Порой маленький клочок кирпичного тротуара или булыжной мостовой, сохранивших следы прошедших по ним сотню лет назад наших сограждан, согревающее тепло старинного слогосложения название какой-нибудь из наших улиц, выглядывающие из кованого сплетения узоров инициалы бывшего владельца дома над козырьком парадного входа - все это тоже создает ту неповторимую ауру единства со своим городом. И как становится жаль, что много наши дети уже не увидят, как не увидели и мы, рожденные после войны, города, сформировавшего свой неповторимый архитектурный облик еще в начале нашего века. Только редкие фотографии сохранили нам его виды, такого родного и такого уже незнакомого.

Никакие военные разрушения не сравнятся по количеству ущерба нанесенного городу с приходом к власти большевиков. Их первыми жертвами, положенными на алтарь свободы (от "проклятого прошлого") стали новозыбковские храмы. И если иудейским синагогам еще в какой-то мере повезло, ибо их быстро приспособили под административные здания, то с православных и старообрядческих церквей полетели купола. Превратились в заурядные здания Преображенская цер-

том, что когда за ненадобностью, или просто из-за необходимости ремонта эти помещения пришлось освобождать - их просто бросили на произвол судьбы. Уже не восстановить деревянные церкви Рождества Христова на Богородицкой (Урицкого) улице (бывший спортзал "Спартак"), доживает последние дни церковь Рождества Богородицы на Людковке, самая старая в городе и занесенная, кстати, в свод памятников российской архитектуры, еще несколько лет назад имевшие шанс снова вернуться в строй действующих. То, что легко было разрушить - восстановить оказалось не по силам.

Тысячи горожан уже выросли, не представляя нашу центральную (а тогда Базарную) площадь с некогда украшавшими ее торговыми рядами. Выстроенные по образцу традиционных в российских городах построек, они являлись единственными подобными сооружениями на территории бывшей Черниговской губернии и нынешней Брянской области. По сложившейся традиции принято относить их разрушение на счет немецких оккупантов, однако разрушены они не были, сгорела только часть крыши и половина деревянных перекрытий. Еще после войны здесь некоторое время кипела торговая жизнь, пока в 1958 году горисполком не решил их снести и возвести на их месте жилой квартал. Как тут не вспомнить, например, о восстановлении из руин Кракова или Дрездена, других городов, доподлинно воссозданных по требованию их жителей, по сути, на голом месте.

Много наших памятников архитектуры унесли пожары. В 20-х годах сгорела очень красивая и известная деревянная церковь Рождества Богородицы (Белокриницкая) на Тростанской (Первомайской) улице, стоявшая на месте нынешнего роддома, и одна из двух городских синагог на Замишевской улице - Любавичская. В 1959 году была обезображена наша главная достопримечательность - Никольско-Рождественская церковь, лишившаяся после пожара главного купола. Отстроенное ныне -

лишь слабое подобие его бывлой красоты. В 1990 году, от поджога сгорел один из наиболее удивительных памятников деревянной архитектуры города - Дом Певзнера на Цветной улице (бывшее общежитие ПТУ), стоявший долгое время без присмотра. Совсем недавно, уже в этом году, случился пожар в старинном особняке (ныне жилдоме) по улице Ленина, от которого остались только стены. Это только некоторые из наших потерь, случившихся из-за людской халатности.

Что говорить об отдельных постройках? Город лишился и целого архитектурного комплекса - Соборной (Красной) площади, по старому плану - центра города с храмом посредине, планируемыми строительством здесь и городс-

кой ратуши. Сейчас это жалкое подобие того, что хотели видеть на этом месте наши предки. Неужели в городе с 30-х годов, не нашлось более подходящего места для строительства стадиона, как возле Чудо-Михайловской церкви, облепленной ныне спортивными пристройками и площадками, одна из которых расположилась на месте бывшего кладбища, существовавшего здесь во время войны.

Свистят залетающие за церковную ограду шайбы между крестов знатным и почетным людям города, похороненным здесь. Постоянно на их могилы приземляются и футбольные мячи, тревожат их покой и неуравновешенные болельщики. Воистину не ведаем, что творим, а потом сетуем на безнравственность подрастающего поколения, берущего с нас пример. Планируемый с 70-х годов перенос стадиона в конец улицы Коммунистической так и остался нереализо-

ГОРИТ КУПОЛ НИКОЛЬСКОЙ ЦЕРКВИ 1959 г.

ванным проектом. Более того, ко всему прочему, возвели здесь, рядом с чудом архитектуры и современное "чудо", железное, новый спортзал - чужеродное тело в ансамбле площади. Сама же площадь превратилась в ряд тупиков и переулков, перегороженных, как при обороне от вражеских танков бетонными заборами, блоками, решетками, рвами, лесной чащей. Давно тесно в нынешних границах горпарка, среди сооружений которого его старые деревья кажутся лишними. Совершенно неуместной оказалась на площади и березовая роща, в свое время шумно и с помпой заложена юными натуралистами, и которую теперь в темное время суток боязливый старушки (да и не только они) стараются обходить стороной. Зачем в городе подобное скопище деревьев, когда до ближайшего леса пять минут езды на автобусе? Поселившись же здесь с некоторыми пор колония грачей вчистую опустошает все близлежащие сады и огороды. То ли еще будет, когда число их гнезд сравняется с числом берез?

Особенно тягостны наши лишения от неумелой реставрации и перестроек, проводимых совершенно без учета и контроля со стороны тех, кто должен был охранять памятники архитектуры города. Кто, например, доверил право новозыбковским пожарникам проводить в 70-х годах реконструкцию, несомненно имеющего историческую ценность, здания на Людковской (Наримановской) улице, в котором еще в прошлом веке находилась наша пожарная часть? Многие памятники и стоявшие здесь и снесенные в 60-х гг. нашу старую деревянную пожарную каланчу, которую вполне можно было сохранить. После передачи в ведение этих людей с огонь-

ком бывшего помещения торгового - купеческого училища, располагавшегося здесь на втором этаже, его обрамленные каменными узорами окна были разбиты и заменены на квадратные бойницы из проектов хрущевских многоэтажек, для размещившихся здесь квартир. При возведении же пристройки, ко всему прочему, снесено было деревянное здание последней новозыбковской

ва, дом ИТР спичечной фабрики, разграблено здание бывшего тубсанатория в Карховке. А ведь подобных им уже никто не построят. Современная архитектура массового жилищного строительства, за редким исключением, по меткому выражению одного из наших архитекторов названная марсианской, пока не может соперничать с тем, что когда-то было уже возведено. Во многих странах здание, простоявшее 100 лет, объявляется национальным памятником со всеми вытекающими отсюда последствиями. А у нас даже таблички, вывешенные на их стенах порой не спасают, так как почти отсутствует культура почитания и уважения своего прошлого.

Сколько у нас было кирпичных ворот с ажурными арками, по сути - символами нашего города, а сколько осталось теперь? Любимый начальник конторы или склада, расположенных с ними, сам принимал решение об их расширении или сносе. Посмотрите на остатки одних из них, тех, что напротив городского Дома культуры, даже во фрагментах удивляющих своей художественной ценностью и разрушенных только потому, что через них не проехали грузовики. Другие же - многострадальной Воинфатевской церкви - мы могли видеть еще в конце 60-х. Но на их месте "позарился" первый памятник Дыбенко (ныне здесь бюст Драгунского). Значительное число архитектурных достопримечательностей было разрушено и в селах, окружающих Новозыбков.

Думается, что пора "собрать камни" уже давно пришла. Каждый виновный в разрушении архитектурного облика города должен нести безусловную и самую строгую ответственность за посягательство на нашу историческую память, а украденное с наших улиц считать преступлением с наказанием без учета срока давности. Имена же разрушителей, независимо от того живы они, или отошли в мир иной, еще появятся в списке на Доске позора, который обязательно будет составлен в наидание будущим поколениям. Может так мы, ныне живущие, сможем искупить и свою вину за бездельное соучастие в этом геростратовом "подвиге", во многом продолжающемся и сейчас. Только вернуть то, что мы потеряли, это уже не поможет.

Константин ПОПОВ

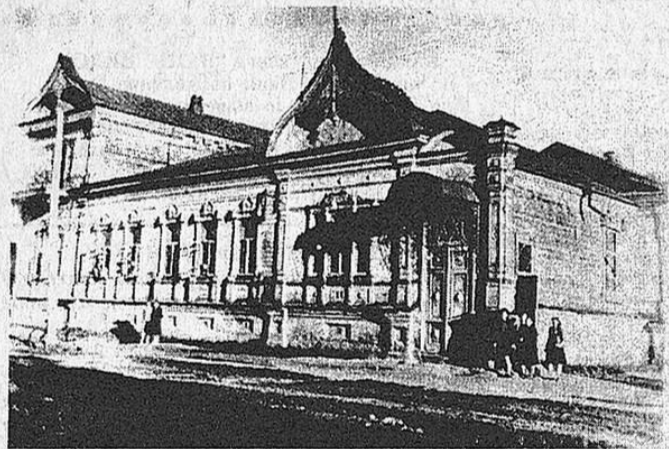
ВЫСТАВКА В КЛУБЕ "ЗЫБЧАНА"

Второй раз представили свое творчество на групповой выставке художники, члены клуба "Зыбчане". Двенадцать авторов экспонируют свои работы, среди которых как живописные произведения, так и изделия декоративно-прикладного искусства. Привлекают зрителей пейзажи Елены Ефименко, Владимира Мозоли, Дмитрия Пупанова, Константина Попова, последователей и приверженцев реалистического искусства, много работающих на природе, натюрморты Юлии Цыркун, выполненные в свободной, лаконичной, но в то же время достоверной, хотя и не без доли декоративности манере, яркое и самобытное искусство Галины Злотиной и впервые представляющего здесь свои картины Ивана Юденка. Близки им по духу произведения Галины Маркиной и Станислава Молчанова.

Несомненной изюминкой экспозиции стали работы по металлу Александра Филимонцева, известного не только в Новозыбкове мастера-чеканщика. Это, как ни странно, первое представление его изделий на выставке в городе. Вместе с ним декоративно-прикладной раздел составили работы резчика по дереву из п. Климово Михаила Никитченко, а также преподавателя ДХШ Виктора Ковалева. Выставка продлится до конца своей работы. Н.Федоров И.ЮДЕНКО "ВЕСНА".

НОВОЗЫБКОВ. ГОСТИНЫЙ РЯД 1913 г.

ДОМ ПЕВЗНЕРА НА УЛИЦЕ ЦВЕТНОЙ 80-е гг.

ков на Никольской (Советской) улице, Троицкая, Рождества Христова, модельный дом на улице Харитоновской, храм при реальном училище (ныне актовый зал НПУ). А если уж совсем мозолили глаза новоявленным идолопоклонникам, как например красивой в городе Воинфатевская (Шведовская) церковь, стоявшая на месте нынешнего сквера у педучилища и хорошо видимая из окон Дома Певзнера на Чугуновской (Ленина) улице, в одночасье ставшего горкомом ВКП(б), то судьба их была преддана - их сносили до основания. Как поднялась рука на жемчужину нашей архитектуры, игравшую ту же роль в облике Новозыбкова, что и храм Василия Блаженного в Москве? Провинциальных геростратов не волновала участь уродуемого ими города. Та же судьба постигла католическую часовню на улице Кузнечной (Ломоносова). Совсем недавно снесли при застройке жилого квартала модельный дом старообрядцев-беспоповцев на улице Чкалова в котором размещались до этого детская библиотека и художественная школа.

Самое же печальное заключалось в

Привет из Новозыбкова.

ЧУГУНОВСКАЯ УЛИЦА
ВОНИФАТЬЕВСКАЯ ЦЕРКОВЬ 1903 г.

ЗЫБЧАНА

СТРАНИЦА ДЛЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ
КЛУБА КУЛЬТУРНЫХ ИНИЦИАТИВ "ЗЫБЧАНА"

ЛИТЕРАТУРНАЯ СТРАНИЦА ОТ "ЗЫБЧАН" К 54-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

ИТАЛЬЯНЦЫ В РОССИИ

Отрывок из рассказа "Пьетро и Ксения Федоровна"

В начале апреля 1943 года в оккупированном немецко-фашистскими войсками Новозыбкове появились итальянские солдаты. Их было много и немецкая комендатура разместила их в пустовавших корпусах больницы имени Десятилетия Октября. С первых же дней пребывания в городе итальянцев было заметно, что отношения между ними и немецким начальством были совсем непохожи на обычные взаимоотношения равноправных солдат одной армии, воюющей под одними знаменами и под одним командованием.

Для местного населения что немцы, что итальянцы были одинаково солдатами враждебной армии и воспринимались не иначе, как представители чужеземной власти, приспешники и исполнители угрозы и насилия.

На самом же деле все было не так однозначно: власть в городе принадлежала только немцам, а итальянцы находились в полном подчинении у немецкого командования и в этом отношении итальянцы приравнивались в какой-то мере к местному населению.

Фашистская Италия в июне 1941 года вместе с фашистской Германией вступила в войну против Советского Союза и послала на восточный фронт 8-ю армию. Зимой 1942-1943 года эта армия была разгромлена советскими войсками на Среднем Дону. Одновременно с этим поражением в России итальянские войска были разгромлены англичанами в Африке. Эти непрерывные военные поражения, ухудшение условий жизни в стране, рост недовольства населения и угроза антифашистского восстания заставили правительство Италии поспешить с выходом из войны.

В этих условиях немецким командованием было принято решение о снятии остатков итальянских войск с боевых позиций советского фронта и перемещения их в тыл.

В какой-то мере перемещали немцы вышедших из войны итальянских солдат - домой в Италию, или в концлагеря на территории Германии - этого ни итальянцы, ни русские жители оккупированного Новозыбкова ранней весной 43 года, конечно, не знали. Итальянцы были уверены, что возвращаются на свою родину.

Но у войны свои законы. Не убитый в бою солдат во время войны имеет только два варианта своего существования на земле: или быть солдатом своей армии, или стать во-

еннопленным во вражеском государстве. Итальянцы весной 43 года перестали быть солдатами немецкой армии, но военнопленными в ней они пока еще не стали. В этом была опасная неопределенность их положения.

Размещенная на жительство в городской больнице итальянская часть была совершенно не похожа на нормальное воинское подразделение регулярной армии. С территории больницы ни разу не доносились сигналы распорядка дня, в город итальянские солдаты ни разу не выходили строем, а все больше по двое, по трое, а то и просто веселой приятельской гурьбой. На немецких солдат они совсем не походили, это были совершенно другие люди, как по внешности, так и по поведению.

Немецкие солдаты всегда ходили по городу в строгой военной форме, затянутые в ремни и застегнутые на все крючки и пуговицы своей амуниции.

Итальянские солдаты, похоже, совсем не были озабочены соблюдением присущего военнослужашим воинского вида. Они появлялись на улицах в расстегнутых шинелях без поясов и хлястиков, в кое-как надетых пилотках, а то и совсем без них, с расстегнутыми воротниками кителей и всегда без оружия.

Они запросто и непринужденно держались с местным населением и никакой вражды к русским не проявляли. Они азартно разговаривали между собой и, нисколько не стесняясь незнания русского языка, то и дело вступали в беседы с местными жителями, особенно с женщинами, что-то веселое сообщая им, или что-то спрашивая у них, постоянно улыбаясь и очень располагая к себе простотой, веселостью и доброжелательностью обхождения. Тихими погожими вечерами со стороны больницы часто доносилась красивая музыка аккордеона, или мелодичная итальянская песня.

Немецкие солдаты отдельно никогда не пели. Разве иногда можно было услышать, как развеселившийся какой-нибудь ефрейтор развлекал своих товарищей игрой на губной гармошке. Но это было ничто по сравнению с мощным гармоническим звучанием итальянского аккордеона. Немцы же пели только в строю.

Однажды со стороны Красной улицы мимо синагоги, через мост на Базарную площадь строевым шагом двигалась колонна немецких солдат. В полном боевом снаряжении, в серых шинелях, в касках с ранцами за спи-

ной и автоматами поперек груди, они шли, сохраняя строгое равнение в рядах, тяжело громыхая коваными сапогами по булыжной мостовой. При этом они пели строевую песню. Грубые мужские голоса звучали внушительно и даже грозно. Отрывистый ритм песни и четкий ритмический шаг хорошо обличенных пехотинцев производил впечатление несокрушимости и бездушия.

Дисциплина армейского строя всегда отделяет простого человека от того, кто стоит или марширует в строю. Немецкие солдаты в строевой колонне казались редким прохожим людьми, совершенно отстраненными от обычной жизни, а их суровая песня

только усиливала это впечатление. Немецкая колонна прошла через Базарную площадь и повернула на Коммунистическую улицу.

Итальянские солдаты подобной маршировкой никогда не занимались, у них были другие дела - поинтересней. С приближением католической Пасхи они в клубе фабрики "Волна революции" начали репетировать какое-то музыкальное представление. Сторож клуба, сохранивший свою должность с дооккупационного времени и насмотревшийся на своем веку множество всякого сценического лицедейства, был весьма удивлен необычностью постановки, которую разыгрывали итальянцы. Сидя в темном зале он с недоумением следил за репетицией итальянских артистов и никак не мог взять в толк, что же такое происходит на сцене.

А на сцене происходило действительно что-то непонятное. За роялем сидел в накинутой на плечи шинели очень грузный и очень кудрявый итальянец. Он легко соединял их беглыми вариациями в единую, очень певучую музыкальную пьесу. Его игра производила такое впечатление, что, казалось, он может сыграть любую на свете музыку. Но играл он странно и необычно, потому что все исполняемое им, порой очень сложные пассажи, вдруг совершенно неожиданно переходили в незамысловатый мотив советской "Катюши".

Импровизируя, пианист непринужденно переходил от "Катюши" к песенке герцога из "Риголетто", потом выдавал что-то неаполитанское и снова возвращался к "Катюше".

Под эту музыку на сцене разыгрывалось некое действие, не очень понятное и непохожее ни на обычный программный концерт, ни на оперетту, ни на выступление какой-нибудь самодеятельности. Итальянские солдаты как-то перемешались по сцене, обменивались короткими репликами, пели то все вместе хором, то поодиночке и постоянно в их итальянской речи слышалось русское слово "Катюша", особенно в

тех случаях, когда звучали несколько фортепианных тактов этой песни.

Руководил этим мероприятием очень подвижный солдат с высоким и красивым голосом. Он переходил от одного исполнителя к другому, что-то говорил им, или пел с ними вместе, одновременно подавая знаки то аккомпаниатору, то другим участникам этой необычной репетиции. Сторож клуба очень скоро утратил интерес ко всему, чем занимались итальянцы на сцене. Он рассказывал, что итальянские солдаты-ребята хорошие, но в артисты совсем не годятся и на рояле никто из них играть не умеет.

Сколько ни старался их музыкант, а нашу "Катюшу" так и не сумел сыграть. Только начнет подбирать, потом - раз и сбивается. Солдаты, случалось, уже и петь начнут "Катюшу", правда по-своему, а этот у рояля ни с того ни с сего вдруг - стоп - и опять играет другую музыку. Возьми нашу самодеятельность: объявят номер, выйдет участник концерта и, пожалуйста, чин-чином все и споет, как следует. А тут все слоняются по сцене, а толку никакого.

Сторож явно был недоволен артистическими способностями итальянских солдат. Те же, кто слушал его рассказы, не очень-то доверяли ему, но познакомиться со сценическим творчеством итальянцев, к сожалению, никому в Новозыбкове не довелось. Выступление их на сцене фабричного клуба по неизвестным причинам не состоялось.

Немцы плохо кормили итальянских солдат. Каждый день на свою кухню в больницу они возили подороженную картошку то ли из каких-то городских овощехранилищ, то ли со станции. Тощий мул, запряженный в огромные русские сани, упорно трудился в непривычной для него упряжке. По обочинам тротуаров бежали мутные ручьи талой воды, обнаженные солнцем темнели камни булыжной мостовой, а по ним со скрежетом ползли тяжелые розвальни с укрепленным на них досчатым коробом, наполненным картошкой. Мул плелся впереди, солдаты дружно помогали ему, подталкивая сани; животное тяжело дышало, вода бочками, а солдаты переговаривались, смеялись и, случалось, что кто-то из них начинал петь, и тогда деревянная улица русского города наполнялась очень красивыми звуками итальянской мелодии.

Е. Мосягин

Иллюстрация К. Попова

МУДРОСТЬ КНИГ

Что в нашем мире вечно? Мудрость и скорость мысли превзойдешь едва ли?

А те слова, которые читали, Пророческие были все они.

Теперь на полках книги запылились. Стоят тома - большие как дома. Стоят тома - сплошь полные ума, Стоят и ждут, чтоб мы по ним учились.

Страницы пожелтевшие уже, Жаль, все подвластны времени, старенью. Проходят дни, используй их для чтенья, Дай пищу голодающей душе.

А если ночь кошмаров, или дум И не решен вопрос какой-то сложный Совет подкажут книги осторожно И заострят наш притупленный ум.

Когда-то мы читали по слогам, Потом слова, а после предложенья. И трепетное к книгам отношенья Впитали с детства, с молоком у мам.

Жизнь - только приключенческий роман Длинною в пять, шесть, семь десяти летий. А книг всех не прочтешь за сто ыстолетий - Той мудрости, той мысли океан.

Там каждый, словно на ветру листок, Оторванный от стебля своего. И буду счастлив я, если в него Моей волеется музы ручеек.

Александр КОЛМАКОВ

ВЕЧЕР

Вечер, и снова память Опускается синей мглой. Сей порядок вещей не исправить. Это то, что всегда со мной. Это то, что приходит на смену Чувствам, отбурлившим свое. Это то, что имеет цену, Правда, вряд ли кто знает ее.

Вечер. В руках гитара. На губах строки новых стихов. Грусть и я - ну чем мы не пара? Наш союз дал немало плодов. А будь счастлив Бетховен с Элизой - До сонет ли было ему? Равнодушного рока капризы Неподвластны простому уму.

Вечер. Обычный вечер И обычна привычная боль. Ожиданье заветной встречи, Что огонь принесет с собой? Загорится, оттаяв, сердце, Чтобы вспомнить, что значит "жить". И тогда никада не деться, Лишь бы пламя не погасить.

Владимир КУХАРИШИН

МНЕ БЫ ДВА КРЫЛА

Мне взлететь бы птицею, Мне бы два крыла. Мне бы хоть синицею, Да уже стара.

Мне бы в синь небесную, Мне бы на простор, Мне б в мечту заветную, Да туманит взор.

Мне запеть бы иволгой - Да романс пропет. "Опоздала!" - издали Слышится в ответ.

Нина РУДЕНОК

РАССТАВАНЬЕ

Я в безмолвии ночи Слышу только два дыханья. Придорожные огни Им кричали: "До свиданья!" Взгляд. Немая тишина. Жест руки, чуть-чуть неловкий. Расстаются сердца два Расстаются на века.

Между ними вскоре будут Не шаги, а города. Все слова давно забыты И кружится голова. Вдаль умчится поезд скорый Вдаль умчится навсегда. Изредка письмо немое Им напомнит: "Не судьба" И о том, как сердца два Расставались на века.

Мария МУХИНА

Снова ветер жестко хлещет Нежность листьев, как садист. Снова вечер, грустный вечер. Одиноко. Ветра свист.

А вздохмаченное небо Вдаль куда-то все плывет, Зернам будущего хлеба Обогреться не дает.

Дмитрий ТОЛКАЧ

Из классики

ВЕСЕННИЙ ДЕНЬ

Весенний день горяч и золот, - Весь город солнцем ослеплен! Я снова - я: я снова молод! Я снова весел и влюблен!

Душа поет и рвется в поле, Я всех чужих зову на "ты"... Какой простор! Какая воля! Какие песни и цветы!

Скорей бы - в бричке по ухабам! Скорей бы - в юные луга! Смотреть в лицо румяным бабам, Как друга целовать врага!

Шумите, вешние дубравы! Расте трава! Цвети сирень! Виновных нет: все люди правы В такой благословенный день!

Игорь СЕВЕРЯНИН

"Моя душа сегодня бесится - Ей объявили приговор: На тонкой ниточке повеситься, А нет, - так строить на мажор..." В. Кухаришин. "Душа"

МОЕЙ ДУШЕ (Пародия)

Моя душа вчера повесилась Оборвалась в ней жизни нить. Намаялась со мной, намучилась И приказала долго жить.

Ну что ж, душа, так может к лучшему. Уж лучше жить мне без души? Давай останемся друзьями. Ты с того света напиши.

И так легко сегодня дышится От этой странной пустоты. Вся гамма звуков чистых слышится - Ведь не мешаешь больше ты.

Ты ведь, душа, - девица с норовом, Сладена ты - моя душа! Я накормил тебя бы здорово, Да вот в карманах ни шиша.

Но не горюй, моя хорошая, С тобой присядем мы за стол, По чарке выпьем за воскресшее И спляшем чистый рок-н-ролл.

И подняв палец назидательно Я крикнул в даль: "Лети, душа! С тобой я встречусь обязательно, Когда ты станешь хороша".

Алексей КРАЕВОЙ